

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА

(Часть 2. Эволюция патерналистского государства)

Аннотация. Институциональная структура гуманитарного сектора экономики как важнейшего в формировании человеческого капитала должна соответствовать не только задачам технологического развития, но и социальным потребностям общества. Сегодня возрастает роль институтов патерналистского государства, призванных поддерживать науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение. Эти институты, как связанные с наиболее передовыми сферами жизни общества, с одной стороны, особо чувствительны к новым потребностям. С другой стороны, они являются составной частью общей институциональной структуры государства, отдельные элементы которой могут запаздывать в своём развитии и тормозить развитие институтов патернализма. В статье тема патерналистского государства рассматривается как составная часть общей эволюции государства и представлений о нём. Эволюция институтов патернализма и в целом институциональной системы общества показана на сопоставлении трёх концептуальных схем, которые, по сути, близки друг другу. Все они рассматривают государство не просто как совокупность властных структур, но как внутренне связанную форму трёх компонентов — политической власти, экономики и гражданского общества. Это таблица эволюции форм патернализма и его институциональной структуры А.Я. Рубинштейна; картина эволюции государственных устройств различных стран, связанная с четырьмя Левиафанами и возможностями перехода от одного к другому, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона; концептуальная схема структуры посткоммунистических режимов Б. Мадьяра и Б. Мадловича. Такое сопоставление разных подходов подводит к выводу, что современному этапу развития, опирающемуся на «экономику знаний», необходим не просто обладатель человеческого капитала, но субъект социального действия. Поэтому столь важно развитие гуманитарного сектора экономики как основы поддержания техно-гуманитарного баланса в обществе для обеспечения его устойчивого развития.

Ключевые слова: институциональная система, современное государство, патерналистское государство, постсоциалистическое развитие, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Обезданный Левиафан, Бумажный Левиафан, патрональная автократия, патрональная демократия, субъект социального действия.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 2. Эволюция патерналистского государства) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №2. С. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.

FOR CITATION: Pliskevich N. The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 2. Evolution of the Paternalistic State) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 22–39. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_22_39.

Патернализм как элемент государства в широком смысле

Сложно организованная общественная система не может успешно функционировать, если в общую структуру социально-экономических взаимодействий не будет включена совокупность отраслей гуманитарного сектора экономики. Он призван обеспечивать производство благ науки, образования, культуры, искусства, медицины, необходимых для нормального развития и общества. Особой проблемой является специфика создания этих благ, которые носят нематериальный характер. Они не всегда осознаются индивидами как необходимый элемент самой среды существования общества. В случае, если их ценность не воспринимается людьми, облечёнными властью распределять специально предназначенные для финансирования общественно значимых благ средства, производство в данном секторе будет сокращаться. Чтобы этого не произошло, необходима особая институциональная среда, специфические институты поддержки. Такой средой могут быть институты патерналистского государства. Причём государства не в узком смысле слова как государственно-властной конструкции, а как социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество», дающей возможность «согласования поведения отдельных индивидуумов и их общностей, преследующих различные цели» [Рубинштейн, 2024а. С. 389]¹.

При такой трактовке государства ключевой становится проблема согласования интересов всех трёх компонентов метасистемы. Важно, что это должно быть именно *согласование*, качество которого зависит от степени равенства позиций этих трёх сторон в их диалоге при выработке взаимоприемлемого решения. В целом для элементов триады государства в широком смысле важна уравниловка действующих в ней сил. Несбалансированность компонентов сказывается на функционировании и всей системы, и её патерналистского компонента, что может приводить к серьёзным отрицательным последствиям.

Нарушителем баланса может быть не только властно-политический компонент триады, который часто *de facto* отождествляет собственные интересы с интересами государства. Возможен и перекосяк в сторону экономического компонента, связанный с резким усилением монополистического капитала и его сращиванием с властными структурами. Это имело место и в США на рубеже XIX–XX вв., и в России на рубеже XX–XXI вв. с появлением так называемых олигархов. Тогда в результате борьбы с этим явлением и гражданского общества, и властей удалось отойти от крайностей этого процесса. А сегодня Д. Аджемоглу и С. Джонсон пишут об аналогичной опасности, грозящей со стороны монополистов в сфере информационных технологий [Аджемоглу, Джонсон, 2024].

Столь же опасны и эксцессы, связанные с появлением различных популистских представлений, особенно если их подхватывает какой-то популист-харизматик, способный повести за собой большинство граждан. В условиях демократии такое большинство может изменить предпочтения в политической системе, направить её по ложному пути. Как отмечал Л. фон Мизес, именно дисбаланс, основанный на активизации такого большинства, стал причиной «всех страданий и бедствий наших дней». Для Мизеса как либерала было неприемлемо, что «большинство божественно и непогрешимо и что поддержка политики многими является доказательством её соответствия общему благу». Он осуждал «диктатуру большинства и жестокое преследование инакомыслящего меньшинства» [Мизес, 2024. С. 144, 145].

Таким образом, на современном этапе развития государства в широком смысле сохраняется угроза его устойчивости. Избежать резких срывов можно только на пути согласования интересов, достижения баланса всех трёх компонентов триады государства как социальной метасистемы, их способности слышать друг друга и находить компромиссные решения, отвергая при этом любые формы насилия — и силовые, и экономические, и информационные. Но достижение такого качества взаимодействия — длительный эволюционный процесс формирования баланса сил между тремя носителями разных типов

¹ О государстве в узком и широком смысле см. в первой части статьи: [Плискевич, 2025].

власти — политической, экономической и гражданского общества. К сожалению, мы не можем сегодня констатировать наличие такого баланса в большинстве государств.

Этот очевидный факт, по сути относящийся к государству в узком смысле слова, даёт аргументы для критики концепции государства в широком смысле. Отторжение вызывает само слово «государство»². Предлагалось даже заменить слово «государственный» на «общественный». Действительно, у Мизеса мы встречаем такие характеристики общества, которые, по сути, демонстрируют общество как образование, соответствующее принципам метасистемы: «...действия, приведшие к общественному сотрудничеству и ежедневно их воспроизводящие, не преследовали и не преследуют ничего, кроме сотрудничества и взаимной помощи друг другу для достижения конкретных единичных целей. Весь комплекс взаимоотношений, созданный этими согласованными действиями, называется обществом. Оно заменяет совместной работой — по крайней мере постижимую — изолированную жизнь индивидов» [Мизес, 2024. С. 135]. Или: «Либерализм стремится к политическому устройству, которое бы обеспечивало ровную работу общественного сотрудничества и поступательное усиление взаимных общественных связей» [Там же. С. 145].

Определение общества как носителя координирующей функции не позволяет определить границы этих координирующих действий. И потому сам Мизес переходит от уровня общества как координатора к уровню государства как структуры, с одной стороны, имеющей чётко ограниченные размеры в пространстве, а с другой — наделённой в этом пространстве не только функциями координатора взаимодействий, но и средствами, позволяющими достигать общественно важных целей. Государство и правительство, подчёркивает Мизес, — не цель, а средство. Насилие, входящее в его функции, не самоцель: «Поскольку государство и правительство предназначены для того, чтобы заставить эту общественную систему надёжно работать, то и определение границ государственных функций должно соответствовать этим требованиям. Единственный критерий оценки законов и методов проведения их в жизнь — это то, насколько эффективно они охраняют общественный порядок, который желательно сохранить» [Там же. С. 685]. Акцент же в характеристиках государства лишь как на предоставленном ему праве на насилие для поддержания порядка для Мизеса представляет собой «излишнюю умственную гимнастику»: «Никто не сомневается в том, что государство имеет достаточно силы, чтобы на своей территории установить тоталитарный режим. Проблема в том, является ли такой режим целесообразным с точки зрения сохранения и функционирования общественного сотрудничества, Относительно этой проблемы никакие изошёренные интерпретации концепций и понятий не принесут никакой пользы. Её должна решать праксеология, а не ложная метафизика государства и права» [Там же. С. 687].

Напомним также, что Ф. фон Хайек особо подчёркивал, что функции государства не ограничиваются властным элементом, необходимым для поддержания порядка. В его функции входит также предоставление членам общества ряда услуг, которые не могут быть оказаны структурами стихийного порядка качественно. И эта функция государства принципиально отличается от его функции принуждения, ибо в данном случае «правительство просто управляет ресурсами, переданными ему в управление», и оно в таком случае «представляет собой одну из многих организаций и, подобно всем остальным, является частью всеохватывающего стихийного порядка» [Хайек, 2024. С. 66].

И эта функция государства как института, предоставляющего разнообразные услуги гражданам, требует создания системы, способной финансировать возможность оказания этих услуг. Й. Шумпетер отмечал, что именно такая финансовая потребность дала толчок процессу формирования государства: «Налог не только способствовал созданию государства, он содействовал его дальнейшему формированию» [Шумпетер, 2025. С. 35]. При этом

² См., в частности, обсуждение статьи А.Я. Рубинштейна [Рубинштейн, 2024b. С. 218–244] в Журнале Новой экономической ассоциации.

для Шумпетера важно, что современное государство — особый институт, отличный как от примитивных образований, так и от социалистически организованных конструкций, покоящихся на смешении сфер социального действия (власти, экономики и общества). Это не просто ещё одно обозначение для «социальной общности» или «социальной организации», где «социализированы все сферы социальной жизни и вся деятельность индивида растворена в социальном целом» [Там же. С. 36]. Он подчёркивает: «Лишь там, где индивидуальная жизнь содержит свой центр тяжести в самой себе, где её смысл заключён в индивиде и его персональной сфере, где реализация личности является самоцелью, может существовать государство как реальный феномен... у распадающейся всеобъемлющей общности сохраняются определённые — всё равно какие — цели, поскольку вновь созданные индивидуальные автономии не могут или не хотят их достичь. Поэтому государство никогда не сможет стать самоцелью, а всегда остаётся лишь машиной для достижения этих общих целей. В силу своей сущности оно как представитель последних противостоит индивидуальным персонификациям самоцелей» [Там же. С. 37–38]. Можно сказать, что такое определение, данное Шумпетером государству в сложный период окончания Первой мировой войны, соответствует и понятию государства в широком смысле, и его задачам по обеспечению стабильного функционирования гуманитарного сектора.

Думается, что в широком смысле государство как социальная метасистема «политическая власть — экономика — гражданское общество» вписывается в представления и Мизеса, и Хайека, и Шумпетера о самореализации внутри общественного целого, ограниченного определённой территорией и обладающего возможностями для оказания общественно значимых услуг находящимся на этой территории индивидам и различным их группам. Тем не менее есть и известная критика этих представлений. Она опирается на обширную литературу, рассматривая государство в узком смысле прежде всего в свете наличия монополии на насилие и злоупотребления этим насилием. По мнению критиков государства как социальной метасистемы, равноправный баланс между тремя её компонентами невозможен, ибо «государства, как правило, довольно легко выходят за пределы отведённой им в теории роли поставщика общественных благ» [Заостровцев, 2024а. С. 238].

А.П. Заостровцев не без основания считает современные государства хищническими. Они различаются, с его точки зрения, только «по степени хищничества, но, как таковое, оно неотделимо от сути их бытия», а потому метасистема «политическая власть — экономика — гражданское общество» может существовать только тогда, когда «нет ничего, кроме государства и вся система общественных отношений складывается из его властного принуждения» [Заостровцев, 2024а. С. 238–239] (см. также [Заостровцев, 2024b]). Эти утверждения подкрепляются аргументированными высказываниями других критиков современного государства, в частности Э. де Ясаи, который характеризует государство как самостоятельный социальный субъект, преследующий собственные интересы. И интересы эти в том, чтобы стать всеохватывающими. В этом — основной пафос книги Ясаи. Но в заключительных её строках он не столь категоричен и, резюмируя крайние результаты этого процесса, он отмечает: «...перспективы любого окончательного решения насущных вопросов в отношениях между государством и гражданским обществом выглядят сомнительными — возможно, это обнадеживает. Если бы стремление государства к самореализации успешно завершилось появлением хорошо управляемого тоталитаризма, человеческие типы, к выращиванию которых такая система приспособлена, скорее всего, быстро разочаровали и обманули бы ожидания государства. Это действительно может оказаться его неминуемым затруднением, точно так же, как неминуемым затруднением гражданского общества, вероятно, является разочарование в государстве» [Ясаи, 2025. С. 398–399].

Критические замечания А.В. Оболонского, касающиеся социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество», также основываются на критике государства в узком смысле слова в его современном состоянии. Он полагает, что

расширительное толкование государства опасно. Общество нуждается в ограничениях полномочий государства и требует «независимого общественного контроля над государственной машиной», ибо, «как известно, лишь независимый контроль может быть действенным, а не имитационным» [Оболонский, 2024. С. 221]. В результате позиция Рубинштейна представляется Оболонскому двойственной и непоследовательной.

Однако и Рубинштейн отнюдь не считает современное государство соответствующим требованиям сбалансированности трёх компонентов предложенной им метасистемы. Достижение баланса предполагает длительный эволюционный процесс со своими прорывами вперёд и откатами назад. О том, что такой процесс пусть медленно, но идёт, свидетельствует история последних веков в наиболее развитых странах. Хотя многое говорит и о том, что человечество находится скорее в начале этого пути, нежели на его финальной стадии. Что касается России, то сам Рубинштейн подтверждает это, приводя результаты расчётов индекса социальной организации государства (ISOS), разработанного им как измерителя уровня сбалансированности трёх компонентов социальной метасистемы. Чем более уравновешены её элементы, тем выше должна быть величина индекса. На основе данных экспертного опроса ведущих российских экономистов 2023 г. было, в частности, установлено, что более половины респондентов указывают на «низкий уровень» этого индекса в сегодняшней России, меньше трети говорят о его среднем уровне, и лишь немногим больше 15% ответов респондентов позволяет думать о его высоком уровне [Рубинштейн, 2024а. С. 420].

Важность сбалансированности и взаимного уравновешивания сил как государства в узком смысле, так и общества для достижения взаимоприемлемых решений лежит в основе конструкции Обузданного Левиафана Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [Аджемоглу, Робинсон, 2021]. Причём как достижение состояния Обузданного Левиафана, так и усилия по удержанию системы в нём — трудный, длительный и достаточно динамичный эволюционный процесс. Чрезмерное силовое давление любого компонента системы из диады Аджемоглу и Робинсона или триады Рубинштейна способно разрушить это равновесие. Собственно, и в современном обществе, отнюдь не благодушно относящемся ко многим действиям власти и особенно такого её элемента, как государственная бюрократия, мы видим попытки обуздания произвола тех, кто в силу своих должностных обязанностей начинает отождествлять себя с государством. И сам Оболонский в своей книге приводит целый ряд документов, свидетельствующих об этом — своего рода кодексов поведения государственных служащих, действующих в таких странах, как США, Великобритания, Канада [Оболонский, 2016. С. 242–434]. Нельзя сказать, что эта мера уже привела к серьёзным качественным сдвигам. Однако нельзя не видеть здесь и начало сложного пути, способного впоследствии дать свой результат.

Разумеется, у современного государства как в широком, так и в узком смысле масса проблем. Но, перефразируя знаменитое высказывание У. Черчилля о демократии, можно сказать, что «государство — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных». Поэтому сегодня нужно признать, что от того, как будут развиваться процессы балансирования интересов трёх компонентов социальной метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество» во многом зависит качество институтов патерналистского государства. А от их качества в современном мире зависит и то, как будет развиваться гуманитарный сектор экономики, и то, будет ли человеческий капитал членов общества соответствовать стоящим перед ними задачам. Будут ли они искать и находить новые формы социального развития, новые способы балансирования различных интересов, или у них возобладает стремление использовать привычные по прошлому опыту методы решения совершенно новых, невиданных ранее проблем.

Следует напомнить слова А.С. Ахиезера, перекликающиеся с концептуальными построениями как А.Я. Рубинштейна, так и Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона: «Широко распространённое представление о “сильном государстве” является результатом... редуцирования

государства до государственного аппарата, который черпает силу из самого себя. Сила state, напротив, определяется силой общества как истинного субъекта. Эта точка зрения не отменяет представления об относительной самостоятельности государства, его способности, кроме всего прочего, превращать силу общества в свою собственную... Сильное государство характеризуется способностью наращивать свой потенциал, опираясь на массовую активность граждан, сочетающих организованную нацеленность на реальную проблему и творческий поиск новых форм организованности, развитие новых форм способностей, развитие форм и содержания диалогизации общества» [Ахиезер, 2008. С. 346–347].

Патерналистское государство и его эволюция

Понятие «патерналистское государство» важно не ограничивать сферой взаимоотношений собственно государственных структур с организациями или отдельными индивидуумами, чья деятельность жизненно важна для нормального функционирования современного общественного организма и создания для этого соответствующих условий. Эти отношения нередко воспринимаются как «субъект — объектные», где субъект — государственная структура, наделённая ресурсами и полномочиями по опеке организаций науки, образования, культуры, искусства, здравоохранения, которые видятся этой структуре (а нередко и самим работникам опекаемых организаций) просто как сфера приложения усилий к деятельности опекаемых объектов.

Такое положение не может удовлетворить современного человека, особенно если он обладает высокой квалификацией. В современном развитом обществе для гармоничного развития важен не только баланс всех составляющих его сил, но и субъектность каждой из них. Само институциональное развитие диктует необходимость изменения форм патерналистской поддержки. Особенно важна патерналистская поддержка отраслей гуманитарного сектора экономики, хотя непосредственно и не приносящих (или практически не приносящих) доход, но способствующих получению качественного человеческого капитала, призванного дать новый импульс как развитию экономики в целом, так и совершенствованию общественных отношений, нахождению более тонких способов согласования разнообразных интересов.

С особой остротой этот вопрос встаёт при переходе к «экономике знаний», в которой востребуется не только особое качество человеческого капитала, но и то, что он должен производиться в объёмах, достаточных для удовлетворения запросов этой экономики. Для успешного функционирования этого сектора в соответствии с новыми требованиями необходимы серьёзные финансовые вложения, которые могут рассматриваться как инвестиции в человеческий капитал всего общества³. То есть современному обществу требуются и современные формы патернализма, новые институты, призванные максимально способствовать развитию опекаемых сфер жизни общества, а тем самым и всему обществу.

³ Как отмечают Д. Хаскел и С. Уэстлейк, сегодня очевидна смена приоритетов в инвестировании с материальных активов на нематериальные: «Новые инвестиции не принимают формы роботов, компьютеров или кремниевых микросхем — хотя... все они играют в этой истории вспомогательную роль. Разновидность же инвестиций, значение которых неуклонно возрастает, — это нематериальные инвестиции: в идеи, знание, произведения искусства, программное обеспечение, бренды, в сети и отношения» [Хаскел, Уэстлейк, 2024. С. 29–30]. Хаскел и Уэстлейк показывают, что ныне расходы на нематериальные инвестиции увеличиваются относительно материальных вложений. Особо важно в контексте данной статьи ещё одно замечание Хаскела и Уэстлейка — о важности вложений в институциональную систему современного общества — его нормы, правила, общедоступные знания и институты: «Как и в случае с физической инфраструктурой создание этих объектов сопряжено с высокими затратами, они используются в течение длительного времени, в большинстве случаев носят публичный и социальный характер и, как правило, способствуют повышению продуктивности экономики» [Там же. С. 236].

Причём не только как целому, но и как совокупности составляющих его индивидов — носителей человеческого капитала того или иного качества.

Таким образом, эволюционная модернизация институтов патернализма — органическая составная часть модернизации всей институциональной среды. Пренебрежение этой частью общей модернизации ведёт к торможению всех процессов и способствует «утечке мозгов», когда страну покидают наиболее необходимые для её прогрессивного развития носители высококачественного человеческого капитала. В такой ситуации оказалась современная Россия. Например, в недавно вышедшей монографии коллектива социологов под руководством Н.Е. Тихоновой [Тихонова и др., 2023] отмечается целый ряд тревожных тенденций в положении профессионалов на российском рынке труда⁴. Среди институциональных аспектов авторы выделяют факторы, ограничивающие прирост и обновление человеческого капитала профессионалов, так или иначе связанные со сложившейся структурой экономики и существующей «институциональной матрицей» [Там же. С. 169]. При этом отмечается значительная доля неудовлетворённых своим положением носителей высококачественного человеческого капитала. Авторы отмечают, что ситуация российских профессионалов не является благополучной в социальном плане, так как «более половины из них не расценивали свой статус в обществе, как и возможности самореализации в работе или часть других очень значимых для них аспектов своей жизни, как хорошие» [Там же. С. 231].

Как отмечает А.Я. Рубинштейн, в процессе модернизации институтов патернализма «остаётся вопрос нормативного стандарта — генерирование знания “как должно быть”, которое, собственно, и определяет характер и конкретные направления институциональной модернизации, подталкивающей индивидуумов к вектору “правильной” стратегии» [Рубинштейн, 2015. С. 14]. При этом нельзя забывать, что многие признанные эффективными институциональные практики развитых стран — результат долгого и нередко противоречивого исторического развития. Они несут в себе следы этой противоречивости: «Западный мир прошёл через долгий период созревания, в ходе которого налаживались взаимосвязи, повышающие эффективность рынков, ...хотя те по-прежнему далеки от идеала» [Норт, 2010. С. 172]. Поэтому Д. Норт особо отмечал важность для стран, вступивших в конкурентную борьбу с более успешными соперниками, создания наиболее благоприятных условий для налаживания взаимопонимания между всеми участниками и экономических, и социальных процессов. Но в то же время при попытках ускоренной реализации такой потребности Норт и его коллеги предостерегали от стратегии ускоренного внедрения уже сложившихся в развитых странах институтов, которые могут быть отторгнуты неподготовленной для них средой принимающих сообществ. Более продуктивной они признают стратегию, связанную с изучением пути, который прошли развитые страны к их современному институциональному состоянию [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгайт, 2012. С. 33]. О том же пишет и В.М. Полтерович, развивая идею о необходимости выстраивания цепочки промежуточных институтов в соответствии с возможностями общества на каждом этапе развития [Полтерович, 2007].

Эти общесоциальные и общеэкономические потребности отразились и на эволюции форм патернализма, его институциональной структуры. А.Я. Рубинштейн наглядно представил картину этой эволюции в таблице [Рубинштейн, 2015. С. 52; Рубинштейн, 2016.

⁴ В данной монографии под профессионалами понимается социальная группа с особым социальным статусом, которая, с одной стороны, обладает высоким образовательным потенциалом, а значит, способна решать сложные задачи в меняющемся технологическом и социальном мире, но с другой — не обременена при этом организационными проблемами, относящимися скорее к деятельности руководителей или предпринимателей. Хотя эта группа связана со всеми видами экономической деятельности, но значительная её часть занята именно в отраслях, входящих в ареал патернализма государства. Потому приведённые в монографии выводы свидетельствуют о материальном и социальном положении и настрое работающих в этих отраслях.

С. 483], демонстрирующую и соотношение разных концептуальных представлений о патернализме с его формами, и изменения в представленном эволюционном движении важности ценностей свободы, прежде всего свободы выбора⁵. В ней показана эволюция понимания патернализма и реальных патерналистских практик от архаичного представления о всемогущем и всеведущем государстве как единственно способном осуществлять рациональную заботу о гражданах, переходящую на следующих этапах развития в иные формы, отражённые в концепциях мериторного патернализма, либертарианского патернализма, асимметричного патернализма и, наконец, консоциативного патернализма, предполагающего возможность самих граждан участвовать в принятии решений, их затрагивающих.

Таблица 1
Либеральная эволюция патернализма*

	Архаичный патернализм	Мериторный патернализм	Новый патернализм		Консоциативный патернализм
			либертарианский патернализм	асимметричный патернализм	
	S_1	$S_1 < S_2$	$S_2 < S_3^1$	$S_3^1 < S_3^2$	$S_3^2 < S_4$
«Отцовская забота» государства о гражданах					
Концепция множественности «Я»					
Формирование установок «патера» — «правлящее большинство»					
Институты «субсидий и налогов»					
Институты «Nudge»					
Концепция автономных предпочтений «Патера» (нормативный стандарт)					
Формирование установок «патера» — институты консоциативной демократии					

* S — «Ценность свободы». Цифрами обозначено соответствие уровня ценностей свободы в каждой из выделенных форм патернализма (так как в новом патернализме (3) объединены два его вида, то и ценности свободы различаются как S_3^1 и S_3^2).

Источник: Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. СПб.: Алетейя, 2016. С. 483.

При этом Рубинштейн подчёркивает, что если построенную им схему наложить на ось времени, то оказывается, что появление различных версий патернализма упорядочено во времени. Это позволило сформулировать теоретическое утверждение: «...патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую ярко выраженную либеральную направленность» [Рубинштейн, 2016. С. 482]. Хотя в реальности выявленный общетеоретический тренд сталкивается с экстерналиями, способными изменить общую траекторию. Особенно

⁵ Думается, что выделенная в данной таблице линия, показывающая последовательность увеличения в обществе важности ценностей свободы, сочетающаяся с появлением всё более развитых форм патернализма, может быть интерпретирована и как линия последовательного увеличения субъектности участников патерналистских отношений, превращения их в «субъект-субъектные».

это касается периодов качественных социально-экономических и политических трансформаций, к каковым, без сомнения, относится и постсоциалистический период.

Предложенную схему интересно положить не только на ось времени. Ведь известно, что и сегодня в различных сообществах, государствах мы встречаем как формальные, так и неформальные институты, не только соответствующие передовым принципам организации экономики и общественной жизни в целом, но и в той или иной степени уживающиеся с элементами, унаследованными от прошлых периодов развития и даже с откровенно архаичными формами. Поэтому интерес представляет сопоставление предложенной Рубинштейном схемы эволюции патерналистского государства со схемами изменений институциональных структур современных обществ. Вместе с тем институциональная система патернализма производна от институциональной структуры, которая утвердилась в той или иной стране на современном этапе её развития. В какой степени общая институциональная структура страны, будучи наложенной на схему институциональной системы патернализма, соответствует критериям его наиболее передовых форм, стимулирует их развитие либо, наоборот, тормозит его?

Если обратиться к предложенной Аджемоглу и Робинсоном концепции разных Левиафанов и наложить её на схему Рубинштейна, то становится очевидным, что наиболее тонкие и современные институты патернализма соответствуют Обузданному Левиафану. Последний «обладает мощью, однако сосуществует с обществом и прислушивается к обществу, а оно, в свою очередь, сохраняет бдительность, желает участвовать в политике и борьбе за власть» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 53].

Само достижение состояния Обузданного Левиафана — результат длительной эволюции, причём в её ходе менялась и степень его «обузданности», происходил переход от одного её уровня к другому, более совершенному⁶. В предложенной Рубинштейном схеме также прослеживается ход этого поступательного движения. Такому варианту развития соответствует представленная в схеме эволюция постархаических институциональных форм патернализма, последовательно отражаемых в концепциях от мериторного до консоциативного патернализма и фиксирующая формирование всё новых и новых установок «патера» и появление соответствующих институтов.

Укоренение новых форм патернализма, продвижение его к более совершенным видам является свидетельством движения всего общества к состоянию Обузданного Левиафана или упрочения его позиций в «узком коридоре». Процессы социокультурного развития играют в этом движении ключевую роль, а потому столь важны институты, специально предназначенные для приращения научного, культурного, образовательного и иных потенциалов. Не случайно в Кембриджской истории капитализма подчёркивается важность институтов, специально нацеленных на производство и распространение знаний, достижения ими высокого уровня. Этот уровень «формируется благодаря специальным институтам... Те страны, которые либо не имели, либо лишились этого потенциала в сфере знаний, а также институтов, его укрепляющих, потерпели неудачу. Наоборот, успех ждал те государства, которые смогли выстроить и усилить этот потенциал и институты» [Кембриджская история капитализма..., 2021. С. 169].

⁶ И сегодня в разных странах, входящих, по мнению Аджемоглу и Робинсона, в «узкий коридор» Обузданного Левиафана, степень его «обузданности» различна. В рамках предложенной ими схемы можно предположить, что разные страны находятся на разном расстоянии от той зыбкой грани, которая отделяет этот коридор от сфер господства Деспотического или Отсутствующего Левиафанов. И само это положение накладывает свои специфические черты на действующие в них нормы и правила, т.е. на специфику институциональной системы. К тому же на пути к Обузданному Левиафану и даже в ситуации, когда почти удалось достигнуть этого состояния, возможны разного рода экстерналии, препятствующие позитивному развитию процесса и даже способные повернуть его вспять. Особо опасны так называемые «промежуточные выгодоприобретатели», стремящиеся законсервировать процесс развития в выгодной для них точке в ущерб всему обществу [Hellman, 1998].

Проблема сочетаемости формальных и неформальных норм и правил особенно ярко проявилось в последние десятилетия в странах, осуществляющих постсоциалистические преобразования. Во многих они сопровождаются фактическим отторжением или искажением самой сути воспринимаемых институтов, в том числе относящихся к гуманитарной сфере. Поэтому углублению представления о проблемах, возникающих при попытках привнесения в страну современных институтов патернализма в условиях постсоциалистической трансформации может способствовать сопоставление схемы эволюции институтов государственного патернализма Рубинштейна с выстроенной Мадьяром и Мадловичем треугольной концептуальной схемой путей трансформации постсоциалистических режимов.

Важнейшей исходной точкой трансформации здесь является то, что при формировании этих режимов вся институциональная конструкция строилась на слиянии политической, экономической и социальной сфер социального действия, объединённых жёстким руководством партии-государства [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 1. С. 104–115]. В сфере патернализма это достаточно ярко проявилось в стремлении к монополизации источников жизнеобеспечения населения. Например, изначально были выделены так называемые «общественные фонды потребления», из которых финансировались такие сферы, как образование, культура, здравоохранение. Государство в значительной степени дотировало расходы на содержание общественного транспорта и ЖКХ. Этим, в частности, объяснялось и то, что уровень непосредственно начисляемых зарплат мог быть существенно занижен (см., например: [Плискевич, 2010]). При этом, так как вся система была выстроена иерархически, то возможности доступа ко всем этим благам связывались не столько с денежными ресурсами, сколько с местом в иерархической системе. Соответственно, появлялось расхождение в доступности благ, выделяемых государством формально безвозмездно, но по иерархическому принципу, и недополучением всеми работниками доходов в виде зарплаты из-за существования якобы *равно* доступных «бесплатных» благ. Это породило и двойственность отношения к государству как к «патеру», сохранившуюся и в постсоциалистических обществах. Так, в России многие социологические опросы прошедших десятилетий устойчиво отмечают, что, с одной стороны, до 80% граждан считают, что в трудных ситуациях им должно помогать государство (т.е. сохраняется предшествующий стереотип о «бесплатности» важных сфер жизнеобеспечения). Но, с другой стороны, те же 80% не верят в то, что смогут получить от государства эту помощь и надеются лишь на родственников и друзей.

Разным странам с разной «досоциалистической» историей развития в ходе постсоциалистической трансформации с разной степенью успешности удаётся преодолеть последствия этой черты прежнего режима. При этом, согласно Мадьяру и Мадловичу, важно, что сложившаяся на уровне сознания акторов «степень разделения сфер социального действия жёстко закреплена в обществе: она не может легко измениться сама по себе без целенаправленного вмешательства и последовательных реформ» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 1. С. 117]. Поэтому начатые постсоциалистические преобразования, как правило, означали изменение формального институционального устройства, но не затрагивали неформальных представлений о том, в чём состоит суть разделения сфер социального действия. В результате в значительной части постсоциалистических стран была воспроизведена система «власть-собственность», хотя и не в той форме, в которой она господствовала в социалистический период их развития. Демократические процедуры в таком обществе становятся инструментами, способствующими дальнейшему слитному существованию этих сфер. В результате привнесённые из обществ либеральной демократии формальные институты либо вскоре начинают законодательно корректироваться в соответствии с господствующими представлениями, либо продолжают действовать привычные неформальные связи, либо побеждает неформальная интерпретация

воспринятых извне формальных норм⁷. Причём всё это имело своим следствием сужение сферы свободы выбора, ограничение её жёсткими рамками, а потому происходили рост атомизации общества, его отчуждения от власти, потеря гражданами желания обрести статус субъекта социально-экономических процессов.

В России о возрождении системы «власти-собственности» писали уже в конце 1990-х — начале 2000-х гг. [Нуреев, Рунов, 2002]. Для этой системы ключевым является стремление со стороны власти к установлению контроля над собственностью, а значит, к установлению контроля над развитием любых форм общественной жизни, требующих экономической поддержки. Отсюда — контроль и даже блокирование идущих «снизу» инициатив, вырастающих из потребностей отдельных граждан или их групп, объединяющихся в разнообразные сообщества, сетевые структуры, благотворительные или волонтерские организации. А это означает преобладание институциональных форм архаичного патернализма как форм «отцовской» заботы государства о гражданах и в целом о гуманитарном секторе экономической структуры общества (подробнее об архаичных формах патернализма см.: [Плискевич, 2018; Плискевич, 2019]).

В то же время концентрация внимания государственных органов на кажущихся им рациональными в деле общей стабилизации общества архаичных формах патернализма создаёт множество проблем. Прежде всего, в современном быстро развивающемся мире гуманитарный сектор экономического и социального развития уже стал ведущей силой. Для его развития, соответствующего многообразию постоянно возникающих всё новых и новых задач, требуются огромные средства. Но в системе приоритетов, выработанных в лоне тех или иных государственных структур, многие из этих задач или не считаются важными, или им не уделяется достаточного внимания, или их просто не замечают либо игнорируют. Поэтому и наука, и образование, и культура, и здравоохранение фактически не оказываются среди приоритетных при формировании государственного бюджета. Но современный мир не может развиваться без проявления личной инициативы как в научно-технической, так и в культурной, образовательной и других областях. Она может принести огромные социально-экономические результаты только в атмосфере подлинно либеральной свободы развития личности как «свободы для...», желания быть субъектом, а не объектом идущих процессов, ответственным за свои действия. Но именно такую личность стремится «обуздать» архаичный патернализм, в отличие от современных форм патернализма, открывающих перед ищущими личностями новые возможности.

Действия по «корректировке» ранее принятых законов или их неформальная интерпретация, сужающие область свободы тех, кто работает в гуманитарном секторе экономики, особо чувствительна для них. Так, занятые в сфере образования прекрасно осознают, что успех человека в новых технологических условиях зависит от качества человеческого капитала. Поэтому важнейшей целью современного образования становится развитие у учащихся таких качеств, как умение свободно и нестандартно мыслить, проявлять активность в любых видах деятельности, в том числе в предпринимательстве, обладать навыками использования новых технологий, равно как и выработки новых организационных форм, востребованных постоянно изменяющейся технологической ситуацией, стремлением к научно-технологическому лидерству. Однако педагогам, ограниченными канонами старой институциональной среды, трудно дать своим подопечным импульс к приросту человеческого капитала такого качества. Многие исследования констатируют, что сложившаяся система управления образованием несёт для занятых в ней рост бюрократической нагрузки, препятствует их самосовершенствованию в профессии, крайне сужает свободу

⁷ Поэтому в треугольной концептуальной схеме постсоциалистического развития, предложенной Мадьяром и Мадловичем, область наибольшей силы неформальных институтов и отношений находится близ вершины треугольника, символизирующей патрональную автократию.

творчества преподавателя (от дошкольных учреждений до вузов), не говоря о проблемах с оплатой их труда [Абанкина, Семенова, 2023; Зборовский, Амбарова, 2019].

Первоначальные идеи, закладывавшиеся в проекты реформирования отечественной системы образования, не только звучавшие в виде деклараций, но и нашедшие отражение в принятых законах, под воздействием общей институциональной среды подверглись искажениям. В результате, например, законы, предполагавшие развитие автономии университетов, оказались внешне «очень похожи на те, которые установлены в европейских странах, но, по существу, они не предоставляют обещанной свободы в принятии стратегических решений и распределении ресурсов, не защищают от мелочной опеки и неусыпного патерналистского контроля, не гарантируют устойчивого долгосрочного развития» [Абанкина, Семенова, 2023. С. 115]. Но такое «упрощённое», скорректированное заимствование институциональных структур из наиболее успешных в социально-экономическом развитии стран по сути не соответствует современным формам патернализма. Более того, оно усугубляет и без того обострившиеся проблемы, связанные с необходимостью соблюдения в обществе техно-гуманитарного баланса как глубинного фактора поддержания устойчивости общественной конструкции. Мы же «наблюдаем отставание институциональных реформ, несомасштабность сложившегося проектного менеджмента в крупных вузах росту финансовых ресурсов, слабую чувствительность вузов к внешним угрозам: финансово-экономическому кризису, демографическому спаду, снижению платёжеспособного спроса, особенно в регионах России» [Там же. С. 116]. Такое несоответствие заявленных целей реформирования образовательной системы и реальной практики не может не сказаться и на результатах её функционирования. Д. Норт особо отмечал важность создания в современных условиях сложной структуры институтов и организаций, обобщающих и применяющих разнообразные знания: «...рост объёма знания зависит от способствующих ему вспомогательных институтов, причём этот процесс ни в коем случае не является автоматическим» [Норт, 2010. С. 143].

Мы сталкиваемся с тем, что в России не произошло разделение сфер социального действия. В ней продолжают господствовать архаичные формы патернализма как производные от общей ситуации со сложившимся на данном этапе общественного развития положением страны в достаточной близости от полюса «патрональной автократии» в выделенном Мадьяром и Мадловичем концептуальном пространстве постсоциалистических режимов.

Заключение. Так какой же Левиафан?

Институциональную структуру современной России трудно назвать соответствующей тем задачам, которую поставил не только перед нашей страной, но и перед миром в целом новый рывок научно-технического прогресса. Как и во времена предыдущих рывков, в такой ситуации нарушается техно-гуманитарный баланс, требующий для сохранения устойчивости общества соответствия новым технологическим требованиям уровня его культурно-психологической регуляции [Назаретян, 2017]. Эта разбалансированность наблюдается сегодня во всём мире и выливается во многие социальные конфликты. Но её преодоление лежит на пути не возрождения старых стабилизационных практик, связанных с ограничениями и ужесточениями жизни общества, а, напротив, поисков новых, более сложных стабилизационных компонентов, требующих повышения инициативы и ответственности каждого за свои действия и их последствия, а значит, расширения для каждого индивида пространства свободы как «свободы для». Новым научно-технологическим вызовам может соответствовать только новая ответственная свободная личность, обретающая свою подлинную субъектность во взаимоотношениях и с окружающими её

индивидами, и с отдельными сообществами, и с независимыми общественными структурами, и со структурами государственной власти.

Формированию всё более широкого круга таких личностей и призвана содействовать сфера гуманитарного сектора общей экономической системы страны. Немалую роль в успешности её функционирования играют современные формы патернализма, предполагающие как институциональные, так и финансовые возможности не только для создания благоприятных условий развития личности как субъекта социального действия, но и для укрепления баланса между такими компонентами жизни социума, как политическая власть, экономика и гражданское общество.

Собственно, такую ситуацию описывают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, характеризуя Обузданного Левиафана, в котором государственная власть тем сильнее, чем сильнее её оппонент-партнёр, т.е. общество. Напряжение, вызванное новым рывком научно-технического развития во многих странах, — и находящихся в «узком коридоре» Обузданного Левиафана, и пребывающих в ситуациях Деспотического или Отсутствующего Левиафана, — требует дополнительных усилий со стороны как государственной власти, так и общества в поисках новых путей и форм поддержания баланса.

Говоря о странах, проходящих постсоциалистическую трансформацию, нельзя не отметить их особое положение в структуре Аджемоглу и Робинсона. Ведь все эти страны пережили на рубеже 1980–1990-х гг. слом старой государственной структуры, фактически произошёл её развал или крайнее ослабление. И тут нельзя не обратиться ещё к одному Левиафану в системе Аджемоглу и Робинсона, как правило, не упоминаемому при её рассмотрении. Это так называемый Бумажный Левиафан, который характеризуется ситуацией крайнего ослабления сил как государства, так и общества (рис.1). Хотя в предложенной ими схеме этот Левиафан и располагается по отношению к «узкому коридору» со стороны Деспотического Левиафана, но власть в нём слаба, непоследовательна, часто не имеет возможностей воздействия на развитие разных процессов в тех или иных частях системы. В результате деспотизм в таких странах дезорганизован и хаотичен. Но и общество не имеет развитых структур самоорганизации, а потому его действия столь же хаотичны и дезорганизованы. Бумажный Левиафан сочетает в себе характеристики Деспотического Левиафана со слабостями Отсутствующего Левиафана, с тем, что политическая власть в нём не сдерживается обществом. «Он репрессивен, но не силён. Он слаб сам по себе и ослабляет общество» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 467]. Фундаментальной чертой для него является то, что он не контролируется обществом, которое продолжает оставаться слабым, дезорганизованным и сбитым с толку» [Там же. С. 502]. Эти хаотичность и дезорганизованность провоцируют при укреплении соответствующих тенденций переход Бумажного Левиафана в состояние либо Деспотического, либо Отсутствующего, либо удержание в положении при котором «слабость государства поддерживается своеобразной организацией общества», основанной на традиционной для него «клетке норм», как, например, в Индии [Там же. С. 501].

Нельзя сказать, что такое состояние комфортно для элит, имеющих достаточно воли к власти. Однако Аджемоглу и Робинсон указывают на две причины, по которым они предпочитают поддерживать состояние Бумажного Левиафана. Во-первых, любые импульсы к развитию, особенно мобилизационного типа, также являются мощным толчком к одновременному развитию и государства, и общества. И если элиты не уверены, что смогут подавить любое недовольство со стороны общества и сохранить свою власть, не допустив к ней соперников, то сами эти импульсы предвещают для них проблемы.

Во-вторых, важную причину поддержания состояния Бумажного Левиафана Аджемоглу и Робинсон видят в том, что «недостаточная способность государства иногда становится мощным инструментом в руках беспринципных лидеров» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 473]. Состояние Бумажного Левиафана открывает для властвующих

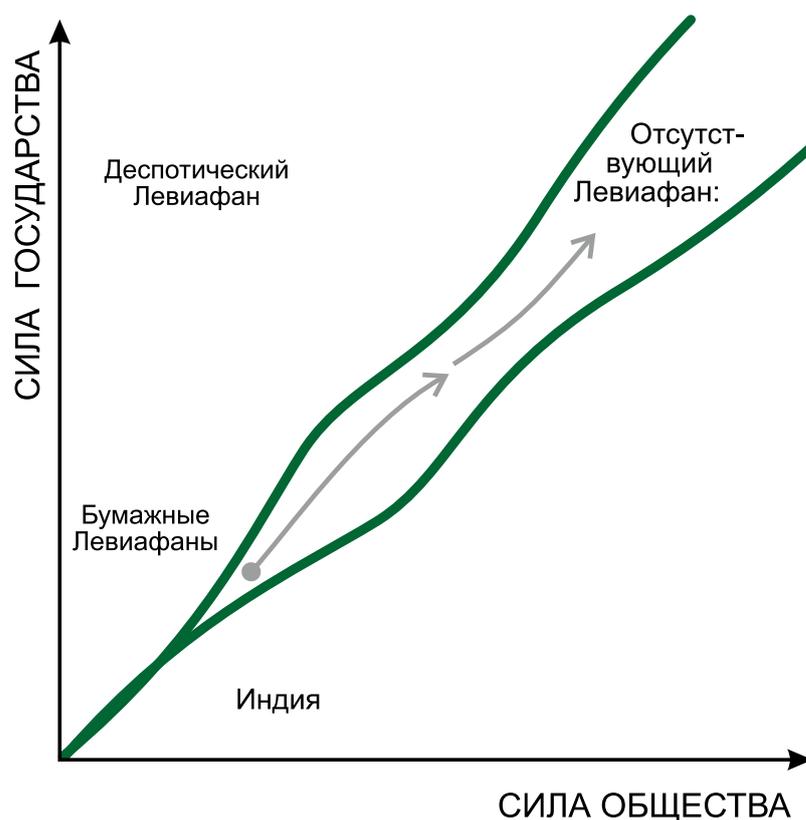

Рис. 1. Бумажный Левиафан

Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. С. 501.

элит и их приближённых возможности получать выгоду от принятия законов по своему усмотрению. Но то, что Бумажному Левиафану при этом не удастся построить настоящее государство, — палка о двух концах для их граждан. Такие государства и деспотичны, и качественно не исполняют такие, например, свои функции, как надзор за исполнением законов, разрешение различных споров, оказание общественных услуг и т.д.

Бумажный Левиафан не только плох для свободы, но и, отмечают Аджемоглу и Робинсон, катастрофичен для экономического процветания. Они показывают это на примерах ряда стран Латинской Америки и Африки. Однако тут стоит обратить внимание и на положение в социалистических странах конца 1980-х гг. Вынужденные развиваться в условиях нарастающих научно-технических изменений второй половины XX в., требующих включения как в производство, так и в сферы, необходимые для обороны, всё более широких масс населения, обладающих человеческим капиталом, адекватным новым условиям, а значит, с всё большей потребностью в индивидуальной свободе, эти государства постоянно допускали новые и новые послабления, подтачивающие Деспотического Левиафана. В результате сила его слабела, хотя и о силе самоорганизации общества говорить не приходилось. То есть постепенно складывалась ситуация, характерная именно для Бумажного Левиафана — слабое государство против слабого общества. Поэтому представляется, что состояние Бумажного Левиафана можно распространить и на ситуацию в странах «развитого социализма» на поздних его этапах. Сам факт, что режимы в этих странах рухнули при начальных попытках их модернизации, свидетельствует об этом.

Возникает вопрос: к какому из Левиафанов можно отнести режимы, складывающиеся в процессе постсоциалистической трансформации. В первой части нашей работы мы уже приводили схему треугольника концептуального пространства эволюции постсоциалистических стран Мадьяра и Мадловича [Плискевич, 2025. С. 27]. Рассуждения венгерских учёных связывались с той или иной силой государства и общества и не предполагали сильных

анархических проявлений, присущих Отсутствующему Левиафану. Поэтому упомянутый треугольник можно представить как пространство возможных путей от Деспотического к Обузданному Левиафану. Этим двум состояниям соответствуют вершины треугольника «коммунистическая диктатура» и «либеральная демократия». Однако в треугольнике присутствует и третья вершина — «патрональной автократии». Эта вершина символизирует режим, в котором превалируют неформальные институты, они служат поддержанию власти верховного «патрона», искажают формальные институты в условиях слабого атомизированного общества, не способного этому противостоять. Указанная вершина треугольника в максимальной степени концентрирует в себе свойства Бумажного Левиафана.

Во-первых, здесь присутствуют авторитарные и даже во многом тоталитарные режимы, использующие рынок. Ярким представителем такого пути является Китай. Страны такого типа тяготеют к правой стороне треугольника, обозначенной как «диктатура с использованием рынка» и находящейся между вершинами «коммунистической диктатуры» и «патрональной автократии».

Во-вторых, страны, стремящиеся достичь вершины «либеральной демократии», и при этом применяющие в своей повседневной практике преимущественно формальные институты, тяготеют к стороне треугольника между коммунистической диктатурой и либеральной демократией (в какой-то степени это напоминает двумерную схему гибридных режимов).

В-третьих, страны, где в той или иной степени господствуют неформальные институты, располагаются вдоль стороны «патрональной демократии» и в той или иной степени удаления от ограничивающих её вершин — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». Таковых в схеме Мадьяра и Мадловича большинство. Место России (по состоянию на 2019 г.) определено венгерскими учёными по сравнению с другими странами в наибольшей близости к вершине «патрональной автократии» и примерно в равном удалении от сходящихся в ней сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка». Кроме того, венгерские ученые представили траектории движения рассматриваемых ими стран в пространстве треугольника, начиная с позднесоциалистического периода и до конца 2010-х гг., и продемонстрировали, что путь практически всех рассматриваемых стран не был прямым [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 541–642].

Сопоставив две концептуальные структуры развития (Аджемоглу и Робинсона, с одной стороны, и Мадьяра и Мадловича — с другой), можно сказать, что в постсоциалистических странах оно происходит в треугольном пространстве Мадьяра и Мадловича. Однако само различие в положении рассматриваемых стран в этом пространстве, степень их удалённости от концептуальных вершин треугольника и его сторон даёт основание утверждать, что пока постсоциалистическое развитие каждой из них не завершилось, — ни у общества, ни у государства не хватает сил как для полноценного самоутверждения, так и для эффективного сопротивления оппоненту (у государства — для подавления оппозиционных тенденций без помощи насилия, у общества — для эффективного контроля за действиями государства и противодействия его деструктивным движениям). Поэтому нельзя говорить о том, что рассмотренные Мадьяром и Мадловичем постсоциалистические страны достигли «узкого коридора» Обузданного Левиафана, хотя и освободились от власти Деспотического Левиафана.

Естественно стремление общества вывести его на дорогу к Обузданному Левиафану. Однако выбор такого пути зависит от многих факторов. Как подчёркивают Аджемоглу и Робинсон, универсального способа перехода в этот коридор нет, как нет и единственной двери для входа в него. Наиболее сложная ситуация — в случае Бумажного Левиафана. Она состоит в дихотомии: усилении власти либо государства, либо общества. Вариант однозначного выбора возможен в случае вызванного каким-либо кризисом мобилизационного

эффекта, в результате которого общество обретает силу как побочный эффект попытки усиления государства (либо наоборот) [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 587–588].

В целом же и современное состояние различных обществ, и их шансы войти в «узкий коридор» Обузданного Левиафана бесконечно многообразны и не фатально безнадежны. Свою роль играют тут и зависимость от предшествующего развития, и осознание элитой (хотя бы её частью) критичной важности для стабильного развития страны создания условий, необходимых для достижения, а затем и поддержания техно-гуманитарного баланса в обществе (что, собственно, и лежит в основе конструкции Обузданного Левиафана). Перспективы каждой страны определяются не только её уникальной историей, но и «типами коалиций и возможными компромиссами, а также точным балансом власти между государством и обществом» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 587].

Обратившись к российской ситуации, становится очевидным, что эту задачу невозможно решить без реального совершенствования всех сфер гуманитарного сектора социально-экономического развития, без соответствующих запросам времени современных форм патернализма. Только на этом пути возможно появление массового субъекта социального действия как истинного движителя и политических, и экономических, и социальных процессов.

Post scriptum. В 1930 г. — году «великого перелома» — Юрий Олеша в своих дневниковых заметках упоминал о желании написать бытовую реалистическую пьесу о процессах, которые он наблюдал вокруг и которые его волновали. Один из намеченных им тезисов звучал так: «Нельзя строить государство, одновременно разрушая общество» [Олеша, 1999. С. 40]. Не эта ли ошибка в государственном строительстве откликается нам сто лет спустя?

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абанкина И.В., Семенова К.А. (2023). Образование: инвестиции в будущее [Abankina I.V., Semenova K.A. (2023). Education: Investments in the Future] // *Гуманитарный сектор патерналистского государства* / Под ред. А.Я. Рубинштейна. — СПб.: Алетейя. С.108-151.
- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). *Власть и прогресс: наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание.* [Acemoglu D., Johnson S. (2024). Power and progress: our thousand-year struggle over technology and prosperity]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор* [Acemoglu D., Robinson J. (2021). The narrow corridor]. — М.: АСТ.
- Ахиезер А.С. (2008). Человек в поисках полноты бытия [Akhiezer A.S. (2008) Man in Search of the Fullness of Being] // *Труды.* Т. 2. — М.: Новый хронограф, 2008. С. 11–384.
- Заостровцев А.П. (2024а). Государство: хищническая природа против гражданского общества [Zaostrovtssev A.P. (2024). State: Predatory nature vs. civil society] // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 4. С. 237-244.
- Заостровцев А.П. (2024б). Государство благосостояния: великодушие или хищничество? [Zaostrovtssev A. (2024b). Welfare State: Generosity or Predatory?] // *Вопросы теоретической экономики.* 2024. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44 DOI: 10.31737/22212264_2024_4_237-244
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах [Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019). The Dream of a Good Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities] // *Мир России.* № 2. С. 98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
- Кембриджская история капитализма.* в 2 т. Т. 2 *Распространение капитализма: 1848 — наши дни* (2021). [The Cambridge History of Capitalism in 2 vols. Vol. 2 The Spread of Capitalism: 1848 — Today (2021).] / Под ред. Л. Нила, Дж. Уильямсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура.* В 2 т. [Magyar B., Madlovics B. (2022). The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мизес Л. фон (2024). *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории* [Mises L. von. (2024). Human action. A treatise on economics]. — М., Челябинск: Социум.

- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. — М.: Аргамак — Медиа.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change]. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Норт Д., Уоллис Д., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности* [North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. (2012). In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity]. — М.: Изд. дом ВШЭ.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002). *Назад к частной собственности или вперед к частной собственности?* [Nureyev R.M., Runov A.B. (2002). Back to private property or forward to private property?] // *Общественные науки и современность*. № 5. С.5-23.
- Оболонский А.В. (2016). *Этика публичной сферы и реалии политической жизни* [Obolonskiy A.V. (2016). Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. — М.: Мысль.
- Оболонский А.В. (2024). *Является ли Российское государство патерналистским? (К вопросу о концепции А.Я. Рубинштейна)* [Obolonsky A. V. (2024). Is the Russian state really paternalistic? (On the concept of A.Ya. Rubinshtein)] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 218–226. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_218-226
- Олеша Ю. (1999). *Книга прощания* [Olesha Yu. (1999). Book of Farewell]. — М.: Вагриус.
- Плискевич Н.М. (2010). «Система низких зарплат» — институциональная ловушка постсоциалистической экономики [Pliskevich N.M. (2010). «The system of low wages» — an institutional trap of the post-socialist economy] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5. С. 125-147.
- Плискевич Н.М. (2018). *Архаичный патернализм как органическая часть системы «власти-собственности»* [Pliskevich N.M. (2018). Archaic paternalism as an organic part of the “power-property” system] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 17-32.
- Плискевич Н.М. (2019). *Архаика институтов и архаика патернализма: есть ли взаимосвязь?* [Pliskevich N.M. (2019). Archaic institutions and archaic paternalism: is there a connection?] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 100-115. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00008.
- Плискевич Н.М. (2025). *Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 1. Государство в узком и широком смысле)* [Pliskevich N. (2025). The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 1. The State in the Narrow and Broad senses)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.
- Полтерович В.М. (2007). *Элементы теории реформ* [Polterovich V.M. (2007). Elements of the Theory of Reforms.]. — М.: Экономика.
- Рубинштейн А.Я. (2015). *Институциональная эволюция патернализма: Научн. докл.* [Rubinstein A.Ya. (2015). Institutional evolution of paternalism. Scientific report]. — М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2016). *Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма* [Rubinstein A.Ya. (2016). Social Liberalism. Liberal Evolution of Paternalism] // *Социальный либерализм*. Под ред. А.Я.Рубинштейна, Н.М.Плискевич. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А. Я. (2024а). *Общая теория опекаемых благ: Учеб.* [Rubinstein A.Ya.(2024а). General Theory of Patronized Goods. Textbook]. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2024б). *Социальная организация государства: экономическая теория и социологические измерения* [Rubinstein A.Ya. (2024б). Social organization of the state: The problem of balance] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 196–217. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_196-217.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы* [Tikhonova N.E., Latov Yu. V., Latova N.V., Karavay A.V., Slobodenuk E.D. (2023). Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики* [Hayek F. von (2024). Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy]. — М., Челябинск: Социум.
- Хаскел Д., Уэстлейк С. (2024). *Капитализм без капитала. Подъём нематериальной экономики* [Haskel J., Westlake S. (2024). Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible Economy]. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Шумпетер Й. (2025). *Кризис налогового государства* [Schumpeter J.A. (2025). Die Krise des Steuerstaates] // Шумпетер Й. (2025). *Кризис налогового государства. Социология империализмов*. — М.: Издательский дом ВШЭ.
- Ясаи Э. де (2025). *Государство* [Jasay A. de (2025). The State]. — М.: ИРИСЭН.
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Tran sition* // *World Politics*. Vol. 50. No. 2. Pp. 203-234.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

**THE SPECIFICITY OF RUSSIAN INSTITUTIONS AND STATE PATERNALISM
(PART 2. EVOLUTION OF THE PATERNALISTIC STATE)**

Abstract. The current stage of scientific and technological development makes the factor of compliance with new tasks of the institutional structure of the humanitarian sector of the economy especially significant as the most important in the formation of human capital, meeting not only technological but also social needs of society. Therefore, the role of institutions of paternalistic state, designed to support science, education, culture, art, and health care, is increasing. These institutions, as associated with the most advanced spheres of society, on the one hand, are especially sensitive to all newly emerging needs. But on the other hand, they are an integral part of the general institutional structure of the state, individual elements of which may lag in their development and, accordingly, slow down the development of institutions of paternalistic support of the humanitarian sector. In the article, the topic of paternalistic state of the humanitarian sphere of the economy is considered as an integral part of the general evolution of the state and ideas about it. The evolution of institutions of paternalism and the institutional system of society as a whole is shown by comparing three conceptual schemes that are essentially close to each other. All of them consider the state not just as a set of power structures, but as an internally connected form of three components — political power, economy and civil society. These are: the table of evolution of forms of paternalism and its institutional structure by A. Ya. Rubinstein; the picture of the evolution of state structures of various countries, associated with the four Leviathans and the possibilities of transition from one to another by D. Acemoglu and J. Robinson; the conceptual scheme of the structure of post-communist regimes by B. Magyar and B. Madlovich. Such a comparison of different approaches leads to the conclusion that the modern stage of development as an information, digital economy, “knowledge economy” requires not just the owner of human capital that meets the needs of the time, but is not an object, but a subject of social action. Therefore, the development of the humanitarian sector of the economy is so important as the basis for maintaining the techno-humanitarian balance in society to ensure its sustainable development.

Keywords: *institutional system, modern state, paternalistic state, post-socialist development, Despotic Leviathan, Absent Leviathan, Tamed Leviathan, Paper Leviathan, patronal autocracy, patronal democracy, subject of social action.*

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.